

Иконников Владимир Степанович

**Опыт русской
историографии**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Степанович И.**
Опыт русской историографии: Том 1 / Иконников Владимир Степанович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 1054 с.

ISBN 978-5-519-86915-7

ISBN 978-5-519-86915-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

исторіи (ἡ ἱστορία) обыкновенно соединяется представлеіе о *разысканіи* или *изслѣдованіи* фактовъ, о достовѣрной передачѣ того, что было предметомъ личнаго наблюденія или изученія¹⁾. Такія требованія въ отношеніи къ историческимъ даннымъ были прекрасно выражены еще Θукидидомъ, котораго обыкновенно признають отцемъ прагматической исторіи, раздѣляющимъ эту честь вмѣстѣ съ Полибіемъ²⁾. „Что касается совершившихся (въ теченіе войны) событій, говоритъ онъ, то я не считалъ себя въ правѣ записывать то, что узнавалъ отъ перваго встрѣчнаго, или то, что только казалось мнѣ, но записывалъ событія, *свидѣтелемъ* которыхъ былъ самъ, или тѣ, о которыхъ слышалъ отъ другихъ, но каждый разъ *послѣ* возможно *точной проверки* съ помощью разспросовъ. Изысканія были трудны, потому что очевидцы различныхъ событій передавали объ одномъ и томъ же неодинаково, такъ какъ каждый могъ, по силѣ сочувствія той или другой сторонѣ или по памяти. Быть можетъ, изложеніе мое, *чуждое басенъ*, покажется менѣе пріятнымъ для слуха, за то найдутъ его полезнымъ всѣ тѣ, кто захочетъ поразмыслить о прошломъ, возстановленномъ достовѣрно и могущемъ, по свойству человѣческой природы, повториться когда-либо въ будущемъ въ томъ самомъ или подобномъ видѣ; а этого для меня достаточно. Составленный мною трудъ не столько предметъ состязанія для временныхъ слушателей, сколько достояніе навсегда.... Пускай читатель знаетъ, что мною возстановлены событія съ помощью наиболѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ настолько удовлетворительно, насколько это позволяетъ древность ихъ“³⁾. Греческій историкъ рѣшительно высказывается какъ противъ поэтовъ, воспѣвающихъ ихъ съ преувеличеніями и прикрасами, такъ и противъ прозаиковъ, „сложившихъ свои рассказы, заботясь не столько объ истинѣ, сколько о пріятномъ впечатлѣніи для слуха, ибо ими рассказываются событія, ничѣмъ не подтвержденные и *за давностію времени* превратившіяся болъшею частію въ нѣчто

1) ἱστωρ—свѣдущій, свидѣтель (εἰδέναι); ἱστορία—разысканіе, дозволенное черезъ достовѣрное изслѣдованіе, повѣствованіе о томъ, что мы сами видѣли; ἱστορικός—дѣписатель; ср. ἵστος—точный, истый.

2) Ernst Bernheim: Lehrbuch der historischen Methode, Leipzig 1889, S. 16—17.

3) Целлопонесская война, I, 21, 22.

невѣроятное и сказочное“¹⁾. Не менѣе рѣзко разграничиваетъ эти двѣ области и Аристотель: „историкъ и поэтъ, говорятъ онъ, различаются, между собою не тѣмъ, что одинъ пишетъ стихами, а другой прозою; но поэтъ отличается отъ историка тѣмъ, что одинъ повѣствуетъ о дѣйствительно приключившемся, а другой обо всемъ возможномъ“²⁾.

Тѣмъ не менѣе древніе смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Задача тогдашняго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. Исторію называли наставницею жизни, къ ней обращались за совѣтомъ даже правители³⁾. При господствѣ такихъ возрѣній, произведенія древней исторіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, носящія на себѣ болѣе или менѣе печать кабинетной работы. Лучшія произведенія древнихъ историковъ представляютъ монографіи, обнимающія одно какое нибудь великое событіе или рядъ явленій, тѣсно связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ⁴⁾. Въ самомъ распредѣленіи матеріала и выборѣ фактовъ писателями руководили природная, укрѣпленная привычкою, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Исслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ, почти не существовали⁵⁾. Такимъ образомъ тотъ же Оукидидъ въ

¹⁾ Пелопоннесская война 21.

²⁾ Поэтика, глава 9.

³⁾ Полибій, I, 1.

⁴⁾ Въ какихъ бы размѣрахъ древнѣйшіе лѣтописцы ни дополняли изъ устнаго и поэтическаго преданія сухой перечень фактовъ, сохранившийся въ официальной лѣтописи, главное значеніе этихъ писателей лежитъ въ изложеніи событій современной имъ эпохи и ближайшаго прошедшаго (В. Пироговъ, Исслѣд. по римской исторіи, 166). Новые историки даютъ слишкомъ много мѣста наукѣ и частнымъ подробностямъ (Тэнъ, Титъ Ливій, 389).

⁵⁾ О современ. знач. всемір. ист. Гравовскаго (Собр. соч. I, 5—7). Hérodote et la conception moderne de l'histoire, par Alfr. Croiset (R. des deux mondes, 1-er mai 1890, 1-re livraison, 173—202).

свой разсказъ вставляетъ цѣлыя рѣчи современныхъ дѣятелей, которыя онъ слышалъ иногда отъ другихъ, или которыя, по его словамъ, должны были быть произнесены *сообразно* обстоятельствамъ¹⁾.

Исторія среднихъ вѣковъ, по своей формѣ, переходитъ въ лѣтопись, а это указываетъ на измѣненіе въ духѣ и направленіи исторіографіи²⁾. Преобладаніе религіозныхъ интересовъ и легковѣріе, свойственное эпохѣ, въ свою очередь отражаются на изложеніи и содержаніи историческаго матеріала. Принципъ авторитета, безусловно господствовавшій въ одной сферѣ, одинаково примѣнялся и въ другой, противоположной. Между идеальной и фактической, поэтической и исторической истиной почти не полагалось различія. Въ героическихъ стихахъ видѣли высокую и истинную исторію, а исторія становилась на мѣсто этической, новеллистической и легендар-

¹⁾ Пелопоннесская война, I, 22. Критическій взглядъ на рѣчи Фукидида, Синайскаго (Учен. записки Казан. универ. 1840, IV). Очеркъ изслѣд. вопроса о рѣчахъ Фукидида въ иностран. литературѣ, В. Г. (Русскій Вѣст. 1884, № 11, сс. 323—333). Современная критика приходитъ къ тому заключенію, что къ числу историковъ, произвольно сочинявшихъ рѣчи, принадлежатъ прежде всего Геродотъ и Ливій, а за ними и цѣлая фаланга второстепенныхъ историческихъ писателей, тогда какъ наибольшую добросовѣстностію въ воспроизведеніи дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей отличается только Фукидидъ, съ которымъ въ этомъ отношеніи можно сравнить развѣ лишь Полибія, Саллюстія и Тацита.

²⁾ Послѣдніе римскіе историки, Лампрідій, Вопискъ, Аврелій Викторъ, Евтропій, даже Амміанъ Марцеллинъ, чистые лѣтописцы. Лѣтопись была послѣднею формою проявленія исторіи въ свѣтской литературѣ древности. Исторія въ великомъ смыслѣ этого слова, поэтическая, политическая и философская, исторія Тита Ливія, Полибія и Тацита исчезла; теперь умѣли вести только *зипись*, болѣе или менѣе точную, болѣе или менѣе полную, событіямъ и людямъ, не слѣдя за ихъ сфѣпленіемъ и нравственнымъ характеромъ, не ставя ихъ въ связь съ жизнію государства, не отыскивая въ нихъ оцущеній драмы или эпопеи, ставшихъ дѣйствительностію. Однимъ словомъ исторія была *хроникой*, не болѣе. Въ той же формѣ появляется она снова въ зарождающейся христіанской литературѣ; первые христіанскіе лѣтописцы, Григорій Турскій между прочимъ, только копируютъ и продолжаютъ своихъ языческихъ предшественниковъ (Гизо, Ист. цивилиз. во Франціи, II, 39—40).

ной поэзіи. Никто не задумывался надъ тѣмъ, что существующимъ явленіямъ жизни придавалась санкція почтенной древности съ помощью вымышленныхъ исторій и памятниковъ. Одинъ анналистъ списывалъ другаго съ такимъ простодушіемъ, что не замѣчалъ выражений разскащика, относящихся въ событіямъ за нѣсколько сотъ лѣтъ и никому не вазалось предосудительнымъ, что компиляторъ занесъ въ свою книгу съ полною беззаботностью извѣстія, другъ другу противорѣчація. Въ это время чрезвычайно рѣдко высказывалась склонность въ пониманію предметовъ въ ихъ внутренней связи и къ отысканію какого либо правила ихъ сдѣянія или закона развитія. За то тѣмъ сильнѣе была страсть ко всему особенному, странному и чудесному, одинаково господствовавшая и въ естествознаніи, и въ географіи, и въ исторіи. Масса баснословныхъ сказаній и апокрифическихъ произведеній, распространенныхъ въ средніе вѣка, служить наглядною характеристикой господствовавшихъ понятій самой эпохи. Только съ возникновеніемъ новаго, научнаго движенія замѣчается переломъ и въ области историческаго изложенія. Съ возрожденіемъ наукъ и въ исторіи появляется склонность подражать древнимъ писателямъ—въ слогѣ, способѣ выражений и разсказѣ. Лучшіе писатели XVI и XVII вв. были собственно ихъ учениками. И даже въ Германіи, гдѣ въ послѣднее столѣтіе историческая наука сдѣлала такіе громадныя успѣхи, историческія произведенія мало еще отличались отъ средневѣковыхъ хроникъ, а въ университетахъ исторіи не имѣла самостоятельнаго значенія и была присоединяема то къ каедрѣ краснорѣчія, то (съ XVIII в.) къ государственному праву ¹⁾.

¹⁾ Самое изложеніе всемірной исторіи по системѣ четырехъ монархій, наслѣдованное отъ средневѣковыхъ хроникъ, впервые было оставлено Гаттереромъ (во 2-й половинѣ XVIII в.).

Характеристику нѣмецкой историографіи см. у Везендопка: *Die Begründung der neueren deutschen Geschichtsschreibung*, Leipz. 1876, 1—57 стр. Португальскіе историки XVI—XVII в., по поводу предложенія Колумба, приводятъ рѣчи въ госуд. совѣтѣ, совершенно по вкусѣ Т. Ливія, которыми не имѣютъ никакого историческаго значенія (Оскаръ Пешель, *Исторія эпохи открытій*, 78). Въ извѣстныхъ иодложныхъ запискахъ Нл. Пѣльгржимовскаго рѣчи, составленныя въ духѣ классическихъ писателей, влагаются въ уста бояр. Годунова и околыничаго Клешнина (см. Библиогр. Зап.

Съ другой стороны, широкое развитіе философіи въ этотъ періодъ вносить постепенно въ историческое знаніе общія начала, старается придать смыслъ отдѣльнымъ фактамъ и значительно способствуетъ возникновенію научной обработки исторіи, хотя въ самомъ обращеніи писателей этого направленія съ матеріаломъ было весьма много субъективнаго и произвольнаго. Направленіе это имѣло рядъ блестящихъ представителей во всѣхъ странахъ (Вико, Вольтеръ, Гердеръ, Болингброкъ, Юмъ, Гиббонъ и др.) и въ свое время оказало существенное вліяніе на возникновеніе исторической критики ¹⁾. Переходъ отъ религіознаго и философскаго скептицизма къ скептицизму въ области политики и исторіи былъ вполне естественъ. Такъ, Болингброкъ въ своихъ „Письмахъ объ изученіи исторіи“ рѣзко осмѣиваетъ обычай прежнихъ историковъ слишкомъ довѣряться извѣстіямъ о древнѣйшихъ временахъ, онъ съ презрѣніемъ относится къ восточнымъ преданіямъ и даже не вѣритъ въ эпическіе рассказы Геродота; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявляетъ о необходимости *критики источниковъ*. Съ такой же отрицательной точки зрѣнія на средне-вѣковыя хроники смотрѣлъ и Вольтеръ, провозгласившій въ своемъ знаменитомъ произведеніи „Essai sur les mœurs et l'esprit des nations“ (1756), что основаніемъ исторической критики долженъ быть *здравый смыслъ* ²⁾. Однако примѣръ самого автора этого положенія лучше всего показываетъ, какъ произвольно относился онъ къ источникамъ и фактамъ исторіи. Такъ, когда при Елисаветѣ Петровнѣ, по ходатайству И. И. Шувалова, были сообщены ему матеріалы, извлеченные изъ архивовъ, и драгоцѣнная коллекція русскихъ медалей, для исторіи царствованія Петра В., то онъ ровно чрезъ годъ (1761 г.), вмѣсто ожидаемой отъ него подробной исторіи Петра В., прислалъ небольшую книжку (Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand), исполненную ошибокъ и неправильныхъ выво-

1858, I, 735—736). Записки напеч. въ Сѣв. Арх. 1825, № 21; С. Отеч. 1834, ч. CLXIV; 1847, III; Чт. въ Об. ист. и древн. 1858, II; о нихъ см. нашу моногр. „Новыя изслѣд. по ист. смут. врем.“, с. 25 и ниже, с. 1238, примѣч.

¹⁾ „Писать исторію слѣдуетъ только философу“, говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ Дюкло, 1745 г. (Геттнеръ, Франц. литер. въ XVIII в., 165).

²⁾ Историческое чутье Вольтера наглядно выразилось между прочимъ въ его критикѣ Тацита (Морлей, 266).

довъ, а на вопросъ И. И. Шувалова, почему онъ не воспользовался сообщенными ему матеріалами, сказавъ притомъ почти всѣ собственныя имена, онъ отвѣчалъ: „я не привыкъ слѣпо списывать со всего, что мнѣ присылаютъ; у меня есть свой взглядъ и свои достопытные матеріалы; что же касается до упрека въ искаженіи собственныхъ именъ, то, кажется, его дѣлаетъ мнѣ какой нибудь нѣмецъ: je lui souhaite plus d'esprit et moins de consonnes“ ¹⁾.

Но всякое знаніе, по мѣткому выраженію Милля, начинается скептицизмомъ. Отсюда же получила свое начало новѣйшая историческая критика. Первые критическія изслѣдованія по древней исторіи имѣли чисто отрицательный характеръ ²⁾. И даже Шлецеръ, которому современная критика приписываетъ значеніе реформатора въ области исторіографіи ³⁾, признаетъ, что Вольтеръ оказалъ на его историческія воззрѣнія просвѣтительное вліяніе ⁴⁾. Будучи вѣренъ этому направленію, Шлецеръ исключаетъ изъ исторіи всѣ баснословные рассказы, въ какихъ бы священныхъ книгахъ они ни находились, а исторію каждаго народа онъ считаетъ возможнымъ начинать только со времени появленія письменныхъ извѣстій о немъ ⁵⁾.

¹⁾ Какіе матеріалы были сообщены Вольтеру и какъ онъ пользовался ими, можно видѣть въ Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, III, 195. Ср. Устрялова, Ист. цар. Петра В. I. xxxix—xl. Примѣчанія на исторію Петра В. Вольтера были написаны Миллеромъ (Печкарскій, Ист. Ак. Н., I, 382) и Каченовскимъ (Вѣст. Евр. 1809, ч. XLVIII, № 21). О судьбѣ означенныхъ матеріаловъ см. ниже, стр. 1506.

²⁾ Напр. трактатъ Beaufort'a „Sur l'incertitude des premiers siècles de l'histoire Romaine“, относящійся къ 1738 г. Нибуръ выражается, что соч. Бофора послужило основой для всего, что въ послѣдствіи писалось по этому предмету (Лекціи, I, сс. 3 и 72).

³⁾ Die Begründung der neueren deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer, v. D-r Herm. Wesendonck. Leipz. 1876. S. 54—57. Также Ф. Береле: Gesch. der deutschen Historiographie, Münch. u. Leipz. 1885, S. 797; статья Бюдингера (Zeitschr. Зибеля 1862, В. VII); Бернгеймъ, (Lehrbuch der historischen Methode, Leipz. 1889, S. 144—145). Ср. рецензію соч. Везендонка, О. Я. Фортинскаго (Универ. Изв. 1877, № 4).

⁴⁾ Шлоссеръ, Ист. восемнадц. стол., II, 331.

⁵⁾ Такъ, по поводу лѣтописи Нестора, Шлецеръ выражается: „Несторъ, монахъ XI в., подобный всѣмъ европейскимъ монахамъ своего вре-

Онъ не удовлетворяется уже однимъ толкованіемъ текста и одѣлкою извѣстій на основаніи ихъ вѣроятности, но старается прослѣдить каждое извѣстіе, по возможности, до его первоначальнаго источника и ставить вопросъ, могъ ли знать самъ авторъ о томъ, о чемъ онъ рассказываетъ? Но, какъ ученикъ Михаэлиса и Геснера, Шлецеръ обращаетъ больше вниманіе на критику текста, а его изслѣдованіе о Несторѣ показываетъ, что критика историческихъ источниковъ въ современной нѣмецкой литературѣ занимала уже видное мѣсто ¹⁾).

„Все до сихъ поръ мною сдѣланное, говоритъ Шлецеръ въ своемъ „Несторѣ“, состояло только въ предначертаніи и теоріи, въ „Несторѣ“—я привожу свою теорію въ исполненіе“. Этотъ трудъ онъ называетъ основаніемъ, которое должно послужить образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ ученыхъ ²⁾). Принимая лѣтопись Нестора за первый и единственный источникъ для древнѣйшей русской исторіи, Шлецеръ заявляетъ о необходимости *своднаго текста*, а не изданія отдѣльных списковъ. Разнорѣчія лѣтописи, по его мнѣнію, произошли отъ переписчиковъ, которые искажали, измѣняли и дополняли простой разсказъ древняго лѣтописца изъ византійскихъ писателей. Такимъ образомъ цѣлью своего изданія Шлецеръ поставилъ возстановленіе *текста Нестора*. Отсюда трудъ его распадается

мени: неученъ, какъ и византійскіе его учителя; наполненъ *предразсудками и монашескимъ легковѣріемъ, противнымъ здоровому разсудку 18-го столѣтія*“ (Несторъ, I, 397).

¹⁾ Свѣдѣнія о критическихъ приемахъ Шлецера можно почерпнуть въ Periculum 1764, въ предисловіи къ изданію кѣнигсбергскаго списка Несторовой лѣт. (1767 г.), въ Probe russischer Annalen (Göttingen, 1768), Allgemeine nordische Geschichte (Halle, 1771) и „Несторѣ“ (нѣмец. изд. Göttingen 1802—809, I—V vv.; рус. переводъ Д. И. Языкова, I—III тт., Спб. 1809—19). Извлеченія почти всѣхъ мѣстъ, касающихся исторической критики, см. у Везендонка (250—280). Въ предисл. къ изд. древней лѣтописи по кѣнигсб. св. изложенъ очеркъ трудовъ по изданію историческихъ матеріаловъ въ разныхъ государствахъ Европы. Документъ признается здѣсь какъ главный источникъ въ ряду историческихъ данныхъ. Предисловіе принадлежитъ Шлецеру. Д. В. Полѣновъ выражаетъ болѣе благосклонный отзывъ объ этомъ изданіи, чѣмъ другіе (Библиогр. обзор. рус. лѣтоп., с. 26).

²⁾ Несторъ, I, прибавл. 2, с. 394; предувѣдомл., ix.

ся на двѣ части: на сличеніе всѣхъ списковъ лѣтописи или *сводъ* и на *возстановленіе* первоначальнаго ея текста ¹⁾. Чтобы очистить древнюю лѣтопись отъ позднѣйшихъ вставокъ, слѣдуетъ взять за основаніе одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ, а варианты внести въ примѣчанія, но, при сличеніи ихъ, *не слѣдуетъ держаться правила, что древнѣйшая рукопись непременно лучшая, часто бываетъ наоборотъ* ²⁾. Чѣмъ же руководствовался Шлецеръ въ своемъ выборѣ очищеннаго текста?

Историческую критику онъ раздѣляетъ на *низшую* или *критику словъ* и *высшую* или *критику событій*. На основаніи первой рѣшается вопросъ, что изъ выраженій въ лѣтописи принадлежитъ Нестору и что внесено переписчиками, или составляетъ позднѣйшую вставку. Но большую часть грубыхъ ошибокъ нельзя исправить безъ знанія иностранной исторіи. Прежде, по незнанію, приписывали простому монаху много ложнаго, особенно о началѣ государства. *Высшая критика* разсматриваетъ правильна-ли мысль самого лѣтописца, насколько правильно событіе, о которомъ онъ говоритъ, а именно составляетъ ли оно историческое событіе или сказку, а для этого опять необходимо близкое знакомство съ иностранной исторіей. Шлецеръ заявляетъ, что его правила критики не имъ изобрѣтены, а заимствованы у другихъ писателей, но онъ приспособилъ ихъ къ русской исторіи ³⁾.

¹⁾ Несторъ, I, прибавл. 2, § 3 и 5, сс. 394—497 и 409—416. Иначе поступилъ проф. Моск. универ. Р. Ѳ. Тимковскій, слѣдуя наставленіямъ филолога Гейне, преемника Геснера. Положивъ въ основаніе древнѣйшій списокъ, онъ съ точностью передавалъ чтеніе своего подлинника, объясняя и исправляя его отъ ошибокъ переписчиковъ посредствомъ вариантовъ. Лѣт. Нестора по древнѣйш. списку, мниха Лаврентія, изд. проф. Тимковского, напечатан. при Общ. ист. и древн. рос. М. 1824. Другіе критическіе его труды напечатаны въ изданіяхъ того же Общества. О немъ см. ст. П. М. Леонтьева (Біографич. словарь проф. Моск. унив., II, 486—498) и К. О. Калайдавича (О трудахъ проф. Тимковского по части русской исторіи, Вѣст. Евр. 1820, ч. CX, № 6).

²⁾ Несторъ, I, 410—412; предувѣд., сс. xш—xiv, xvш—xx.

³⁾ Ibid. I, предв. напом., 5; 395—96; предувѣдомл., xxxix (отзывъ Шпиттлера). Они основывались „на классической и библейской критикѣ“ новѣйшихъ временъ (ib. xш—xiv; введение, ѳс; 411—416).

Въ молодости Шлецеръ съ большимъ усердіемъ занимался естественными науками и медициной, языкованіемъ и богословіемъ. Въ своихъ литературныхъ трудахъ онъ выступилъ на поприщѣ политики, статистики, педагогii, филологii, публицистики. Эта широта его научной подготовки вполне выразилась въ его историческихъ трудахъ и критическихъ приемахъ. При пользованіи отечественными памятниками (*monumenta domestica*), онъ указываетъ на троякое ихъ изученіе: *критическое, грамматическое и историческое*. Критическое изученіе источниковъ состоитъ въ собираніи и сличеніи рукописей для установленія прочнаго текста; грамматическое — въ изученіи формъ языка, а историческое въ сведеніи всѣхъ данныхъ объ одномъ событіи въ одно цѣлое. Обращаясь къ *studium monumentorum extrarūm*, онъ ссылается на связь русской исторіи съ иностранной, на необходимость дополнить ее данными изъ исторіи славянъ, финновъ и Византіи¹⁾. Послѣдующіе историки считали автора „Нестора“ своимъ учителемъ и сопоставляли его трудъ съ знаменитыми изданіями Библии и древнихъ классиковъ. По временамъ появлялись сильные критическіе умы, какъ Винкельманъ, Арнольдъ, Пуфендорфъ, Масковъ, но вліяніе ихъ было не велико. Только Шлецеръ и другой его извѣстный современникъ—Гаттереръ вызвали на свѣтъ цѣлую школу исторической критики и положили прочныя основанія позднѣйшему развитію историографii. По силѣ вліянія Шлецера, его сравниваютъ съ Болингброкомъ въ Англіи, съ Вольтеромъ во Франціи. Какъ и они, Шлецеръ боролся противъ теократическаго пониманія исторіи, стоялъ за свободомысліе и раціонализмъ. Поэтому въ нѣмецкихъ историографическихъ трудахъ новый періодъ историографii стали вести отъ Шлецера, а не отъ Нибура и Ранке²⁾.

Общій характеръ критики Шлецера—скептический, отрицательный. „Да простятъ мнѣ, говоритъ онъ, что я болѣе разрушаю, нежели созидая, болѣе навожу сомнѣній, нежели разрѣшаю, болѣе ис-

¹⁾ На его Probe обращено было вниманіе не только въ Götting. gelehr. Anzeigen, но и въ лонд. журналѣ „Selections from the most celebrated foreign literary journals and other periodical papers“ (1798), гдѣ были напечатаны отрывки изъ этого труда.

²⁾ Везендонкъ, Вегеле.

воренію басенъ, нежели предлагаю истинъ. Prima lex historiae, ne quid falsi dicat. Въ области наукъ не столько ли важно открытіе заблужденія, какъ и обрѣтеніе истины? Цѣлью исторической критики должна быть одна истина: „*ignorare malo, quam commenta credere*“. Исторія—это „неподкупное судилище“. Поэтому *ничей авторитетъ* самъ по себѣ не служитъ ручательствомъ за истинность. „Не вѣрь вообще ничьему слову, слѣдовательно *и моему*. Не надобно совершенно ни на комъ утверждаться, а необходимо *испытывать и доказывать*.... Истинный историкъ долженъ все *самъ изслѣдовать, самъ разыскивать*“¹⁾. Понятно, что всею силою своего скептицизма Шлецеръ вооружается уже противъ значенія традиціи и вымысловъ фантазіи. Во всѣхъ народныхъ преданіяхъ, во всѣхъ поэтическихъ образахъ (пѣсни, саги, преданія) онъ видѣлъ одну ложь и спѣшилъ очистить отъ нихъ поле исторіи; а для того, чтобы установить несомнѣнную истину, онъ совѣтуетъ вникать возможно тщательно въ суть факта и стараться отыскать его связь съ цѣлымъ періодомъ, проникнуться тогдашними понятіями для объясненія происхожденія подобныхъ явленій²⁾. Для раскрытія истины онъ предлагаетъ употреблять *сравнительный методъ*³⁾.

Историкъ долженъ быть рационалистомъ. Онъ долженъ строго разграничивать религію и церковь. Нерѣдко ложныя показанія, вымышленныя чудеса выдаются за догматы и вызываютъ общее поклоненіе. Исторія должна смѣло стоять за правду, разоблачать выдумки, обличать суетвѣрія. Точно также вреденъ ложно понятый патриотизмъ⁴⁾. Если Миллеру запрещаютъ произнесеніе рѣчи о варягахъ потому лишь, что тамъ варяги выводятся изъ Швеціи, если для Россіи считаютъ униженіемъ то, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были морскими разбойниками, то никакой прогрессъ въ исторіографіи невозможенъ⁵⁾. Самъ Шлецеръ отличался чисто космополитическими мнѣніями и съ такимъ же безпристрастіемъ относился онъ къ уста-

¹⁾ Несторъ, I, предувѣд., с. xxix; введ., ѳв; 427—428; Nord. Gesch. 259; 278.

²⁾ Nord. Gesch. 97, 225, 260.

³⁾ Ibid. 34, 45—46.

⁴⁾ Несторъ, I, 431—432.

⁵⁾ Несторъ, I, 430.